

ФУТБОЛ КОТОРЫЙ МЫ ПОТЕРЯЛИ

ГЕОРГИЙ ЯРЦЕВ

БОРИС
КОПЕЙКИН

ЛЕВ ЯШИН

ВАЛЕРИЙ
ВОРОНИН

ДАВИД
КИПИАНИ

ФЕДОР
ЧЕРЕНКОВ

ЭДУАРД
МАРКАРОВ



ГЕННАДИЙ
ЕВРЮЖИХИН

ВЛАДИМИР
ФЕДОРОВ

ЕВГЕНИЙ
ЛОВЧЕВ

ОЛЕГ
БЛОХИН

ВИТАЛИЙ
СТАРУХИН

ЭДУАРД
СТРЕЛЬЦОВ

НЕПРОДАЖНЫЕ ЗВЕЗДЫ ЭПОХИ СССР

Федор Раззаков

**Футбол, который мы потеряли.
Непродажные звезды эпохи СССР**

«Центрполиграф»

2016

УДК 796/799
ББК 75.578

Раззаков Ф. И.

Футбол, который мы потеряли. Непродажные звезды эпохи СССР /
Ф. И. Раззаков — «Центрполиграф», 2016

В нынешнее время футбол превратился в бизнес, в некое шоу, в котором продается все и вся. За баснословные гонорары покупаются легионеры, которые, отыграв год-два в России, затем уезжают из страны и навсегда забывают о ее существовании. А местные футболисты кочуют из клуба в клуб в поисках заработка и боятся разве что одного — как бы не продешевить, продаваясь очередному хозяину. О чести клуба или страны такие спортсмены либо вообще не вспоминают, либо делают это крайне редко, поскольку такое нынче время — продажное. Однако были благословенные годы, когда футболисты умудрялись всю спортивную жизнь играть в одном-единственном клубе, не покупаясь даже на самые заманчивые посулы. Именно о таких непродажных футболистах и пойдет речь в этой книге.

УДК 796/799
ББК 75.578

© Раззаков Ф. И., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Лев в воротах	8
Футболист трагической судьбы	18
Футбольный денди	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Федор Раззаков
Футбол, который мы потеряли.
Непродажные звезды эпохи СССР

ЛЕВ ЯШИН

ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

ВАЛЕРИЙ ВОРОНИН

ЭДУАРД МАРКАРОВ

ЕВГЕНИЙ ЛОВЧЕВ

ГЕННАДИЙ ЕВРЮЖИХИН



БОРИС КОПЕЙКИН

ОЛЕГ БЛОХИН

ВИТАЛИЙ СТАРУХИН

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

© Ф. Рazzаков, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Лев в воротах

Лев Яшин, «Динамо», Москва

Этого человека звали «Гагарином советского футбола». И это не было преувеличением. Как и первый космонавт Земли, этот человек тоже стал олицетворением советского строя, его самым знаменитым и раскрученным брендом, известным даже в самых отдаленных уголках земного шара.

Лев Яшин родился 22 октября 1929 года в рабочей семье. В футбол начал играть чуть ли не сразу как встал на ноги и научился ходить. Мяч гонял везде: во дворе, в школе, на ближайшем к дому стадионе. Когда во время войны Яшин, как и тысячи советских подростков, пришел работать на один из оборонных заводов в Тушине (Яшин жил неподалеку – на Миллионной улице), любимым развлечением мальчишек в перерывах между работой был все тот же футбол. Причем настоящих мячей у них не было, поэтому они мастерили мяч из ветоши, перетянутой веревками.

Однажды на завод, где работал Лева, пришел тренер детско-юношеской футбольной школы Владимир Чечеров – хотел отобрать способных ребят в свою секцию. Когда отобрал, выстроил их по ранжуру и стал называть игровое амплуа каждого: «Ты, Коля, будешь нападающим, ты, Петя, – защитником, а ты, Лева, станешь на ворота». Как вспоминал позднее великий вратарь, его очень огорчило это, как ему тогда казалось, несправедливое назначение. Ведь он никогда не стоял в воротах, больше всего любил быть нападающим и забивать, забивать. А тут – вратарь. Однако спорить с тренером не осмелился. Как показали дальнейшие события, перстом тренера водило само Провидение.

После войны Яшин продолжал играть в футбол, теперь он защищал спортивную честь родного завода во взрослой команде. Стоит отметить, что на заре своей футбольной карьеры Яшин не производил большого впечатления на болельщиков. Играл он неровно – мог весь матч отстоять «сухим», демонстрируя феноменальную реакцию, а мог напропускать таких «бабочек», что трибуны буквально ревели: «Дырка!», «Решето!». Да и внешне Яшин выглядел в воротах не очень картинно: долговязый увалень (рост у него был 184 см), худой, с длинными руками и ногами.

В 1949 году Яшина призвали в армию, однако он пошел служить не в войска, а был взят вратарем в дублирующий состав футбольной команды столичного «Динамо» (до этого он какое-то время играл в динамовской молодежке у тренера Аркадия Чернышева). И стоял, мягко говоря, не блестяще. Однажды в матче со сталинградским «Трактором» на поле соперника пропустил гол от своего коллеги – вратаря. Смешно? Но так оно и было. Вратарь «трактористов» выбил сильным ударом мяч в поле. Тот взмыл в небо и, подхваченный порывом сильного ветра с моря, полетел к воротам москвичей. Яшин решил его поймать, выбежал навстречу, но внезапно столкнулся со своим защитником и упал на землю. А злосчастный мяч легко вкатился в его ворота. Говорят, трибуны чуть не рухнули от дружного хохота. Вместе со всеми над незадачливым голкипером смеялись и его одноклубники, игроки первого состава – Бесков, Карцев, Блинков, Соловьев.

Однако этот курьезный случай не перечеркнул вратарскую карьеру Яшина – тренеры и дальше продолжали ставить его в ворота. А летом 1950 года и вовсе решили доверить ему место вратаря в основном составе команды. Как показали дальнейшие события, Яшин к такому повороту был совершенно не готов.

Вспоминает Л. Филатов: «2 июля 1950 года состоялся матч «Динамо» – «Спартак». За «Спартак» в ту пору я болел открыто, напускать на себя респектабельную, швейцарскую нейтральность нужды не было. А страдать в тот день мне пришлось, мои продували 0:1, исполне-

нием всех желаний было – сквитать. За четверть часа до конца что-то стряслось с Хомичем (вратарь «Динамо». – Авт.), и его заменили. В воротах возник долговязый парень, который, как мне показалось, не знал, куда себя деть, либо от неумения, либо от робости. И от одного его растерянного вида в душе затеплилась надежда, что «Спартак» спасет матч. Так и произошло, долговязый парень принял невпопад совершать странные движения и выпады и в конце концов наскочил на кого-то из своих (это был Блинков. – Авт.), ворота распахнулись настежь, и спартаковский центрфорвард Паршин выкатился кстати и мяч заколотил. Вместе со всем спартаковским лагерем я облегченно торжествовал и вышел на Ленинградское шоссе в приятном расположении духа. Тут во мне и шевельнулась жалость. Нетрудно представить, каково сейчас этому новенькому. У знатоков я выведал его фамилию – Яшин – и то, что он до этого отчебучил нечто подобное, играя за дублеров, поэтому, как говорили, из него вряд ли выйдет вратарь...»

Филатов был прав в своих подозрениях – Яшин после того матча был в настоящем отчаянии. Его вновь отправили в дубль, но спустя какое-то время ситуация повторилась: что-то случилось с основным вратарем Хомичем, и тренеры «Динамо» вновь позвали Яшина. И он в очередной раз отличился. При счете 4:1 в пользу «Динамо» умудрился пропустить подряд три мяча. Взбешенный тренер отдал команду заменить «дырявого» вратаря, однако в дело внезапно вмешался действующий игрок Константин Бесков. Махнув тренеру рукой, он крикнул: «Не надо, так доиграем!» – и вскоре вывел динамовцев вперед – забил пятый гол.

Несмотря на то что победный счет динамовцам удалось удержать, Яшин чувствовал себя паршиво. Именно тогда в нем созрело решение завязать с футболом, и он сменил бутсы на коньки – стал в ворота хоккейного «Динамо». И надо заметить, зарекомендовал себя на этом поприще с самой лучшей стороны. Вот как вспоминал об этом очевидец – комментатор Николай Озеров:

«Как сейчас помню этот день – 12 марта 1953 года. В решающем матче на Кубок Советского Союза по хоккею с шайбой встретились постоянные соперники, столичные команды – ЦСКА и «Динамо». Вопреки всем прогнозам, в напряженнейшей борьбе победили динамовцы – 3:2. Во многом успеху команды способствовал молодой вратарь Лев Яшин. Помню, я спросил у одного из лучших наших хоккеистов – Алексея Гурышева:

– Что можете сказать о динамовском вратаре Яшине?

– Великолепный спортсмен, – последовал ответ. – Уверен, что он еще не раз прославится в ледяных баталиях».

Между тем этот прогноз действительно сбылся, но несколько в ином качестве. Яшин действительно прославился, но не на ледяных площадках, а на футбольных полях. Дело в том, что весной 1953 года Яшин вернулся в дублирующий состав футбольной команды «Динамо».

Второй «заход» Яшина в футболе оказался намного успешнее первого. С каждым новым состязанием он набирался необходимого опыта, мастерства, и вскоре его уверенная игра, демонстрируемая в официальных матчах, заставила забыть о его прошлых неудачах. В 1953 году Яшина вновь поставили в ворота в основном составе «Динамо». И это был уже другой Яшин. Уверенный в себе, хладнокровный, надежный. Многие специалисты удивлялись такому поистине чудесному превращению.

С приходом в команду такого вратаря «Динамо» заиграло увереннее, смелее, и хотя в чемпионате Союза в 1953 году команда заняла лишь 4-е место, однако в розыгрыше Кубка СССР динамовцы стали победителями. Но особенно драматично сложился для Яшина и его команды следующий сезон. С самого старта чемпионата они захватили лидерство и последовательно переиграли «Спартак», тбилисское «Динамо», «Зенит», «Торпедо». Благодаря надежной игре Яшина динамовцы пропустили в первых 12 играх лишь 3 мяча (всего за чемпионат они пропустили 20 мячей). Чемпионами страны динамовцы стали досрочно – за один тур до окончания первенства. Правда, повторить прошлогодний успех в розыгрыше Кубка СССР

динамовцы не сумели. И в какой-то мере вина за это лежала на Яшине, который по ходу матча был удален за то, что в азарте борьбы ударил ногой игрока соперников. В итоге динамовцы тот матч проиграли.

В 1954 году Яшин был включен в состав первой сборной Советского Союза. Тогда в команде происходила смена поколений, и сборная практически формировалась из новых футболистов (от старого состава в ней остались лишь четыре человека). Свой первый матч в том сезоне наша сборная сыграла 8 сентября в Москве со сборной Швеции и провела его выше всяких похвал. Она разгромила скандинавов со счетом 7:0. Журналисты даже поспешили назвать тот матч «второй Полтавой». Однако специалисты считали иначе. Они говорили: «Шведы – не тот соперник, победой над которым стоит так гордиться. Посмотрим, что будет в игре с более сильным противником».

Игра с сильным противником не заставила себя долго ждать. Через две недели наша сборная встретилась с командой Венгрии, которая считалась одной из сильнейших в мире (в 1952 году венгры завоевали олимпийское «золото», а два года спустя «серебро» на чемпионате мира). Тот матч закончился ничейным результатом 1:1, что для нашей молодой сборной было равносильно победе. Касаясь игры Яшина, тренер венгерской сборной Г. Шебеш сказал: «Яшин – игрок, не имеющий громкого имени, но действующий на редкость уверенно, обладающий всеми необходимыми качествами, которых требует от спортсмена его амплуа».

1954 год завершился для Яшина радостным событием – он женился. Вспоминает его супруга Валентина Тимофеевна: «С Левой мы познакомились в конце 40-х на танцах. Мы оба были тушинские. Лева работал на одном из заводов, а я учились в плановом техникуме и работала экономистом. Жила вместе с братом, а он дружил с тренером Левиной заводской команды Иваном Шубиным. Однажды мы пошли в кино, опоздали к началу сеанса и в зрительный зал попали, когда свет уже погас. На этот же сеанс Шубин привел свою команду. И Яшин, с которым мы еще официально знакомы не были, галантно предложил мне вместо стула свой фибропный чемоданчик – были тогда такие, в них футболисты носили свою форму. Прошло какое-то время. Яшина призвали в армию и забрали в дубль московского «Динамо». А это уже кое-что. Однажды ребята в Тушине на стадионе говорят: «Сегодня Яшин приедет, можем познакомить». Приезжает: хиленъкий, тощенький, ножки в голеницах сапог болтаются. И забавно басит, протягивая руку: «Лев». Ну, думаю, если ты – Лев... Но симпатичный и, главное, вежливый. Подружка моя шепчет на ухо: вот кого он с танцев пойдет провожать последней – это и станет знаком судьбы. Именно меня Лева и проводил. Мы с ним несколько лет встречались. Причем не очень уж часто. Он был человек занятой – футболист. Раза три он исподволь намекал на совместную жизнь. Например, идем мимо витрины магазина, а он так мечтательно говорит: «Вот разбогатеем, купим такой сервиз!» А поженились как раз под Новый, 1955 год. Свадьбу сыграли на Маяковке, там у него комната в коммуналке была...»

В 1955 году спортивная карьера Яшина складывалась не менее успешно, чем в прошлом сезоне. Он во второй раз стал чемпионом страны (отстоял в воротах «Динамо» все 22 игры), прекрасно отыграл сезон в составе сборной (наши выиграли 6 матчей и два закончили вничью).

В следующем сезоне динамовцам не удалось совершить хет-трик (три раза подряд стать чемпионами), и они вынуждены были довольствоваться лишь «серебром» чемпионата. Однако для сборной тот год стал вехой – именно тогда наши футболисты сумели стать олимпийскими чемпионами. И немалая заслуга в этом принадлежала Льву Яшину.

Основу нашей тогдашней сборной составляли футболисты московского «Спартака» (он был чемпионом страны) – их в команде было 9 человек. От «Динамо» было всего трое – Л. Яшин, Б. Кузнецов и В. Рыжкин. Однако если двое последних выходили на поле не слишком часто, то Яшин проводил в игре львиную долю времени. Одну восьмую финала наша команда прошла легко, обыграв объединенную команду Германии, затем в четвертьфинале победила сборную Индонезии (причем в первой игре мы сыграли с индонезийцами вничью 0:0 и только

со второго захода победили – 4:0). Оба нуля на нашем табло были результатом великолепной игры Яшина. В полуфинале нашим соперником была сборная Болгарии. В основное время матч закончился вничью 0:0, после чего было назначено дополнительное время. Поначалу повезло болгарам, которые «распечатали» Яшина. Но потом инициативу перехватили советские спортсмены и, хотя играли вдесятером (был удален Тищенко), сумели забить два гола (отличились Стрельцов и Татушин).

В финале наша сборная встречалась с югославской и сумела одолеть ее: 1:0. Как утверждают очевидцы, Яшин играл не просто хорошо, а блестяще. Это была одна из великолепнейших игр лучшего вратаря целой эпохи мирового футбола, поскольку тот спас свои ворота более пятнадцати раз.

На следующий день после этого фантастического матча на имя Яшина с родины пришла телеграмма от профессора Льва Ивановича Фаворского, который еще в 1912 году защищал ворота олимпийской сборной России. Текст телеграммы гласил: «Счастлив поздравить своего молодого коллегу и тезку с великой победой. То, о чем мечтало мое поколение спортсменов, – свершилось. Спасибо Вам за это». Эта телеграмма свидетельствовала о замечательной преемственности: советский спорт по праву продолжал традиции русского, дореволюционного.

После победы на Олимпиаде Льву Яшину было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

В союзном чемпионате 1957 года столичное «Динамо» вновь завоевало золотые медали. Правда, в том первенстве Яшин сыграл лишь в 12 матчах, а в десяти ворота команды защищал его напарник – Владимир Беляев.

Успешно отстоял Яшин тот сезон и в воротах сборной. Наши футболисты тогда готовились к предстоящему чемпионату мира, который должен был состояться в 1958 году в Швеции, и в рамках отборочного турнира провели пять матчей: дважды выиграли у финнов (причем в Хельсинки наши победили с рекордным счетом 10:0), один матч проиграли полякам, но два матча у них же выиграли. Таким образом наша сборная завоевала себе путевку на финальный турнир в Швеции. Однако тот чемпионат сложился для наших футболистов неудачно: они так и не сумели выйти из своей группы.

Большинством наших специалистов игра сборной СССР на чемпионате была оценена как неудачная. Но, ругая команду в целом, специалисты отмечали прекрасную игру отдельных наших игроков: Л. Яшина (он был признан одним из лучших вратарей чемпионата), Ю. Войнова (он был включен в символическую сборную мира).

Что касается внутреннего чемпионата, то в сезоне 1958 года «Динамо» не сумело отстоять чемпионский титул и заняло второе место, уступив лидеру – московскому «Спартаку» – одно очко.

К тому времени Яшин уже превратился в кумира миллионов советских граждан, его знали в лицо даже люди, которые были совершенно далеки от футбола (нынешним нашим футболистам такая слава может только присниться). В то время у большинства динамовских футболистов появились первые автомобили – «москвичи». И только Яшин приобрел себе «Волгу», но не потому, что хотел таким образом выделиться (ему это чувство было вообще чуждо), – просто в малогабаритном «москвиче» он не умещался.

По рассказам очевидцев, за рулем собственного автомобиля Яшин частенько нарушал правила дорожного движения. Однако ни разу не оказался виновником или участником какого-нибудь происшествия. Обычно, если его останавливали гаишники (тогда – орудовцы), вопрос улаживался в несколько секунд – узнав, кто за рулем, те отпускали его с миром. И лишь однажды вышло иначе. Яшина за превышение скорости тормознул гаишник, и Яшин, желая уладить дело миром, сказал: «Мы же оба – динамовцы». На что милиционер ответил: «Я болею за «Спартак». И сделал легендарному вратарю законную дырку в талоне.

В повседневной жизни Яшин был на редкость скромным человеком. Что-нибудь попросить, достать, выбить для себя он никогда не мог. В основном он просил за других. Любимым занятием вне футбола у него была рыбалка. Мог чуть ли не сутками сидеть с удочкой на берегу реки. Когда его приятель Никита Симонян спросил у него однажды: «Лева, ну какое удовольствие часами сидеть и ждать, когда клюнет?» – Яшин ему ответил: «Смотришь на воду, на блесну, от всех треволнений отключаешься – мир прекрасен».

В общении со своими одноклубниками Яшин всегда старался быть ровным, никогда не позволял себе заносчивости. Хотя однажды не сдержался. Во время одной из игр он сделал замечание своему одноклубнику, а тот послал его «куда подальше». Когда матч закончился, Яшин вошел в раздевалку и первым делом подошел к тому грубияну и отвесил ему сильную затрещину. Свидетелем этого была вся команда, поэтому скрыть инцидент не удалось. Вопрос о безобразном поведении Яшина был вынесен на общее собрание. Яшин признал свою вину, обещал больше никогда не позволять себе подобного.

Однако вернемся к футболу. В сезоне 1959 года «Динамо» вновь выступило блестяще и вернуло себе звание чемпиона. Но в следующем году им пришлось довольствоваться лишь бронзовыми медалями.

В том же году наша сборная продолжила свое участие в розыгрыше Кубка Европы. Она выиграла у сборной Польши с разгромным счетом 7:1, благополучно миновала барьер в лице сборной Испании (франкистское правительство вынудило испанских футболистов отказаться от игры с советской сборной). 6 июля в Марселе состоялся полуфинал – наша сборная играла со сборной Чехословакии. Этот матч стал новым бенефисом Яшина, который не пропустил в свои ворота ни одного мяча (а наши забили целых три).

В финальной игре нашей сборной противостояла команда Югославии. Начало матча складывалось для наших футболистов тяжело – Яшин пропустил нелепый мяч, отлетевший рикошетом от своего же игрока. И лишь во втором тайме советским футболистам удалось собраться, и сначала Метревели сравнял счет, а затем Понедельник поставил победную точку в этом матче. Наша сборная стала первым обладателем Кубка Европы. Газета «Юманите диманш» в те дни писала: «Советский вратарь по праву возглавляет список первых чемпионов нашего континента». Стоит отметить, что именно после этого чемпионата с головы Яшина исчезла его легендарная кепка, которую он неизменно носил все эти годы. Говорят, после финальной игры кто-то в суматохе стащил ее с головы Яшина (видимо, на память), а искать ей замену он не стал.

По итогам выступлений нашей сборной в 1960 году популярный французский еженедельник «Франс футбол» поставил ее на первое место в Европе. К сожалению, с тех пор нашей сборной больше ни разу не удавалось повторить этот успех.

В отличие от игр за сборную дела в родном динамовском клубе у Яшина складывались не самым лучшим образом. В сезоне 1961 года его клуб впервые за многие годы занял во внутреннем первенстве 11-е место. Специалисты стали всерьез поговаривать о кризисе популярного клуба. Однако уже в следующем сезоне «Динамо» вновь заиграло в свойственный ему наступательный футбол и сумело занять 2-е место. Но вот вам парадокс: как только дела родного клуба Льва Яшина пошли в гору, его карьера в сборной заметно осложнилась. Что же произошло?

В 1962 году наша сборная во второй раз участвовала в финальных играх чемпионата мира. Она попала в группу, в которую, помимо нее, входили сборные Уругвая, Югославии и Колумбии. Первую игру мы играли с югославами и выиграли ее 2:0. Затем нелепо остались в игре с колумбийцами. Ведя 4:1, наши игроки расслабились и позволили сопернику свести матч вничью: 4:4. Сборную Уругвая наши ребята обыграли 2:1, но потратили столько сил, что их уже не хватило на игры с другими соперниками. В итоге в четвертьфинале советская сборная уступила средней команде Чили (она была хозяйкой чемпионата) со счетом 1:2.

После этого поражения сборная СССР вынуждена была прекратить борьбу за мировую корону и покинуть чемпионат. И во второй раз ее вынудила это сделать команда хозяев первенства (в 1958 году это были шведы).

Выступление нашей сборной на чемпионате мира большинством советских специалистов в области футбола было признано крайне неудачным. Однако особенно яростной критике подвергся наш вратарь Лев Яшин. Практически на него навешали всех собак, обвинив в неуваженной игре, которая передалась затем всей команде. Но это была неправда. Действительно, игра Яшина на том чемпионате была неровной, в частности, он допустил ряд непростительных ошибок в игре с Колумбией. Однако обвинять Яшина в пораженчестве, в том, что он утратил свое мастерство, было несправедливо. Просто у людей, писавших такое, оказалась слишком короткая память по отношению к человеку, который принес отечественному футболу столько славы. Вполне вероятно, что за этой критикой стояли влиятельные функционеры из Спорткомитета, которые давно уже мечтали убрать Яшина из сборной, считая его слишком старым для роли первого вратаря.

О серьезности ситуации, которая сложилась вокруг Яшина в дни после чемпионата в Чили, говорят хотя бы такие факты. Разъяренные болельщики несколько раз разбивали камнями стекла в квартире вратаря, угрожали ему по телефону, прокалывали шины у его автомобиля. Когда терпеть эти выходки стало невмоготу, Яшин вместе с семьей (женой и двумя дочерьми Ирой и Леной) на два месяца уехал из Москвы. Во время этого вынужденного отъезда Яшин всерьез подумывал о том, чтобы навсегда рас прощаться с большим футболом. Однако тогдашний тренер «Динамо» Александр Семенович Пономарев уговарил его остаться. При этом тренер поступил мудро: он какое-то время ставил Яшина в ворота только на выездных матчах. Почему? Дело в том, что определенная часть московской публики продолжала негативно относиться к прославленному вратарю, сопровождала его действия обидными выкриками с трибун, а Яшин тяжело переносил такое отношение.

Обретение Яшиным себя шло довольно трудно. Причем этому были объективные причины. Дело в том, что если тренеры родного клуба не разуверились в нем, то про тренеров сборной этого сказать было нельзя. К примеру, в важном матче на Кубок Европы со сборной Италии в Москве Яшина в ворота не поставили. Тот матч наши выиграли со счетом 2:0. Однако спустя какое-то время (в начале ноября) должна была состояться ответная игра в Риме. Федерация футбола СССР, которая решала, кто из наших игроков поедет на эту встречу, встал перед дилеммой: брать Яшина или нет. В случае отрицательного ответа тот собирался в Лондон, где 23 октября должен был сыграть за сборную мира. Судьбу Яшина вновь решил тренер сборной, который заявил, что справится в Риме и без Яшина.

Между тем в игре на «Уэмбли» между сборной мира и сборной Англии, посвященной 100-летию английского футбола, Яшин сыграл выше всяких похвал. Он отстоял первый тайм и не пропустил в свои ворота ни одного мяча. И только когда во втором тайме его сменил другой вратарь, англичанам удалось забить два мяча и свести игру вничью – 2:2. Все специалисты, наблюдавшие за этим матчем (а игру транслировали на многие страны мира), отметили великолепную игру советского голкипера. Поэтому, когда наша сборная приехала в Италию, перед ее руководителями снова встал вопрос, кого же ставить в ворота. Ведь теперь, после триумфа Яшина в Лондоне, не поставить его в ворота означало навлечь на себя не только гнев болельщиков, но и недоуменные вопросы многих специалистов футбола. И за час до начала игры было принято решение доверить честь защищать ворота сборной именно Яшину. И тот отстоял эту игру блестящее, взяв даже пенальти (матч закончился вничью – 1:1).

Стоит отметить, что в том же году Яшин стал первым футболистом, удостоенным нового футбольного приза – «Золотого мяча», вручаемого лучшему футболисту Европы. Это было огромным достижением не только лично Яшина, но и всего советского спорта, который сумел воспитать спортсмена подобного уровня.

Обретя уверенность в международных матчах, Яшин прекрасно отыграл и внутренний чемпионат. Во многом благодаря прекрасной игре Яшина в сезоне 1963 года команде «Динамо» удалось после четырехлетнего перерыва вернуть себе чемпионское звание. Яшин вновь стал героем. И это в 34 года! Уникальный случай не только в истории отечественного, но и мирового спорта.

Как писал спортивный журналист Л. Филатов: «Одну из загадок яшинской одаренности я вижу в его неординарной внешности, в особенностях его телосложения. По всем своим данным – росту, длине рук, широкому шагу – он словно дополнял, завершал собой ворота, если их рассматривать как скульптурную композицию. Это по внешнему виду. А едва он приходил в движение, как становилось очевидным самое ценное – его расслабленность в плечах, в поясе, в кистях рук, в коленях, та расслабленность, которая одаряет вратаря ощущением свободы, легкости, власти над мячом и в плоскости ворот, и в штрафной площадке. Яшин объяснял свою мобильность тем, что имел обыкновение выполнять всю тренировочную работу полевых игроков».

А вот мнение другого специалиста – знаменитого игрока Н. Старостина:

«Как все спортсмены экстра-класса, Яшин был достаточно самолюбив, но он никогда не играл для трибун. Он не «подавал себя». Что можно легко поймать, он и ловил просто. Никаких утиризованных бросков, поз, жестов. Все скрупульзно, деловито и рационально. Вот почему он чаще других вратарей оставался на ногах, всегда в боевой стойке, всегда готов продолжать борьбу, не выключая себя из схваток ненужными падениями.

Мастерство его было отшлифовано так, что позволяло ему как бы без особых усилий достигнуть того, на что другие вратари тратят уйму энергии и движений. Делалось все это на удивление своевременно даже там, где счет шел на десятые доли секунды…

В чем же особенности вратарской школы Яшина? Что он реформировал и почему у него мало последователей?

Яшин первым из всех вратарей мира начал организовывать контратаки своей команды. Начал это делать еще тогда, когда ни один из защитников даже не помышлял о такой возможности, считая своей обязанностью лишь разрушать чужие атаки. В Европе утверждают, что приоритет игры по всей штрафной площадке остается за Планичкой. Пусть так, но Планичка покидал ворота, чтобы перехватывать и отбивать мячи, а Яшин не только предупреждал угрозы для своих ворот. Он, как минер, закладывал взрывчатку для атакующего натиска своих форвардов у ворот противника. Бывали случаи, когда Яшин играл даже за пределами штрафной площадки, там, где кончается вратарское право на игру руками. И тогда он действовал ногами или отлично пользовался ударами головой.

Со временем игра Яшина несколько утратила живость, страсть, но зато приобрела очень важное качество: чем значительнее встреча, тем надежнее играл маститый вратарь. Природа этого явления ясна: ответственность горячит кровь, возбуждает нервы, придает азарт, а опыт помогает выходить из критических ситуаций. «Все знаю и много еще могу» – вот девиз, с которым выходил на футбольное поле Лев Яшин».

Между тем в сезонах 1964, 1965, 1966 годов футболисты столичного «Динамо» оказались за чертой призеров чемпионата СССР – они заняли соответственно 7-е, 5-е и 8-е места. И только в 1967 году им удалось вернуть былую свежесть своей игре и завоевать серебряные медали первенства.

Что касается сборной, то ситуация в ней тоже была далека от стабильной. В 1964–1965 годах она обновилась процентов на девяносто (в 1965 году в ней дебютировало сразу девятнадцать игроков – беспрецедентный случай). Неизменным в сборной было одно – Яшин. Хотя безоблачным его существование в национальной команде назвать было нельзя – конфликты и у него возникали. Причем даже с тренерами. Например, с Константином Бесковым, который возглавлял нашу сборную в 1963–1964 годах. Рассказывает Валерий Маслов: «У Яшина с Бес-

ковым вышел инцидент на турнире в Чили. Играем с бразильцами. Лева от ворот мяч вводит, а защитник отвернулся. Чужой перехватил, метров с тринадцати бьет – Лева из нижнего угла вытаскивает. Бесков вскакивает со скамейки: «Старый идиот, ты что делаешь?!» Лева перчатки сбрасывает – и к нему. Витек Аничкин его на полпути перехватил. Прочитал ситуацию. Бразильцы тем временем угловой подают – а вратаря нет! Одни перчатки на земле! Но обошлось – не забили. Но на Бескова Лева долго еще злился...»

В 1966 году советская сборная участвовала в чемпионате мира в Англии и, несмотря на то что проиграла два последних матча, впервые в своей истории заняла 4-е место в мировом первенстве, а игроки сборной по решению оргкомитета чемпионата были награждены бронзовыми медалями (как и команда, занявшая 3-е место). С тех пор минуло уже 40 лет, но не то чтобы побить, даже повторить этот результат нашей сборной никак не удается. Почему? Одной из причин этого можно смело назвать отсутствие в нашей сборной настоящих звезд, таких как Л. Яшин, А. Шестернев, В. Понедельник, В. Воронин, И. Численко, А. Кавазашвили, М. Хурцилава, А. Банишевский, В. Поркуян, Й. Сабо и др.

Что касается Яшина, то он к тому времени был в сборной одним из «ветеранов» (пришел в нее в 1954 году) и по праву пользовался огромным уважением товарищей. Причем не только потому, что играл дольше всех, но и в силу своих человеческих качеств. По словам Н. Симоняна, Яшин не обижался по мелочам, умел снисходить к слабостям и недостаткам товарища, видеть сквозь них главную суть человека. Склад ума у Яшина был – мужицкий, трезвый, крепкий. Он никогда не срывался. Рассказывают, что неким антиподом Яшина в сборной был Валерий Воронин, считавшийся плейбоем. Он хорошо одевался, курил дорогие сигареты, любил Битлов. Большинство игроков сборной нет-нет да и подражали Воронину, но только не Яшин. Несмотря на то что их с Ворониным постоянно селили в одном номере, стиль жизни у них был совершенно разным. Яшин курил свой неизменный «Беломор», слушал родную эстраду и не участвовал в богемных тусовках. А если кто-то ему сильно досаждал приглашениями или лез без спросу в душу, он мог и послать – просто и по-русски.

Свой последний (116-й по счету) матч в составе сборной СССР Яшин сыграл 16 июля 1967 года. В тот день наши футболисты встречались в Тбилиси со сборной Греции в рамках отборочного турнира чемпионата Европы. Мы выиграли с разгромным счетом 4:0.

Уйдя из сборной, Яшин целиком сосредоточился на игре в родном «Динамо», которое последние несколько лет довольно неудачно выступало во всесоюзном первенстве. В 1967 году это положение наконец удалось изменить в лучшую сторону – «Динамо» заняло 2-е место и выиграло Кубок страны. Однако год спустя команда довольствовалась уже 5-й строчкой в турнирной таблице. В том же году Яшин последний раз был включен в список 33 лучших футболистов страны под № 1 (впервые он попал в этот список в 1956 году).

Последние три сезона, в которых Яшин играл в «Динамо», его команда, что называется, скакала по турнирной таблице: в 1969 году она заняла 4-е место, в 1970-м – 2-е (и победа в Кубке СССР), в 1971-м – 5-е. В середине последнего сезона Яшин принял решение закончить футбольную карьеру.

Прощальный матч великого голкипера состоялся в Москве 27 мая 1971 года. Для участия в нем в Москву приехали практически все лучшие футболисты мира, выражив тем самым свое уважение к замечательному голкиперу и человеку. Проводы были королевскими, что вполне объяснимо: такие спортсмены, как Яшин, рождаются на свет не так часто – раз в столетие. Яшин отстоял в воротах первую половину игры, не пропустил ни одного гола и уступил место своему коллеге Владимиру Пильгю.

Отмечу, что за свою долгую футбольную карьеру Яшин провел 326 матчей в первенстве СССР и 79 – в сборной СССР. Был удостоен десяти правительственные наград, в том числе и ордена Ленина. Он был первым вратарем в советском футболе, кто провел сто игр «на ноль» (не пропустил ни одного мяча). Сотым на его счету стал матч чемпионата страны между его род-

ным клубом «Динамо» и ЦСКА 28 октября 1962 года. Всего же Яшин сыграл 207 «сухих» матчей из 438 зачетных. Этот результат был рекордным в течение многих лет, пока его не побил в 1987 году вратарь московского «Спартака» Ринат Дасаев, поднявший рекордную планку до 235 «сухих» матчей.

Закончив играть, Яшин не ушел на покой. Чем же он занимался? Рассказывает Л. Филатов:

«После проводов и прощального матча звезд мирового футбола со сборной «Динамо» Яшин не исчез с глаз долой и не был выкинут из сердца вон. Его известность в народе, а не только среди болельщиков была повсеместной и поголовной, фамилию его знали, как взятую из букваря. Поставили его начальником родной команды вместе с тренером Константином Бесковым. А потом что-то не заладилось. Человека с таким именем полагалось трудоустраивать. Что и делалось как в «Динамо», так и в федерации. Но посты с мудреными названиями («зампред по...»), с письменными столами наводили на Яшина тоску. Честный, он стеснялся своего вынужденного безделья.

А для начальственных верхов Яшин был одним из пропагандистских цветных стеклышек, из него пытались сотворить живую легенду, подобие Стаханова. Провели через Высшую партийную школу, после чего человек считается «своим», заставляли выступать в присутствии вождей с трибуны Кремлевского дворца, произнося написанную речь, надев через грудь широченную красную ленту со всеми спортивными медалями и орденами... Был случай, что авторитетом Яшина, как бульдозером, попытались сломить неугодного Валентина Гранаткина. Чтобы заменить его на посту первого вице-президента ФИФА, послали бумаги с ходатайством, да получили по носу – уведомление, что сотрудничеством Гранаткина ассоциация довольна.

Ничего этого Яшину не было нужно, он испытал на себе судьбу тех, кого принудительно, по разнарядке, утвержденной за толстыми стенами, выдвигали, не спрося их согласия, для разного рода показательных выдумок...»

Пока позволяли силы, Яшин вел довольно активную жизнь. Посещал школы-интернаты, принимал участие как почетный гость в соревнованиях клуба «Кожаный мяч», выезжал за границу, где проводились соревнования его имени (да, да, проводятся и такие, например в Финляндии).

Между тем с годами поездки давались Яшину все труднее. Его стало подводить здоровье. У Яшина был застарелый гастрит, который в конце концов перерос в язву. Облитерирующий эндартериит ног, сопровождавшийся сильными болями, таил в себе огромную опасность, и то, что Яшин очень много курил, никак не способствовало его выздоровлению. Яшин стал меньше двигаться, из-за чего холестериновые бляшки начали закупоривать вены на ногах. В начале 80-х он перенес инсульт, одна рука стала плохо двигаться, волочиться нога. Врачи советовали Яшину лечь в больницу, но он перенес болезнь на ногах. Но даром это не прошло. В 1984 году он отправился в заграничное турне во главе группы ветеранов советского футбола, и там у него отказалась правая нога. Пришлось делать операцию. Она проходила в Венгрии, причем сделали ее неудачно. Яшин с женой потом долго добирались до Москвы и опоздали – нашим врачам пришлось ногу ампутировать.

К сожалению, это было не последнее испытание, которое пришлось пережить Яшину. Вскоре после ампутации у него обнаружили рак. И Яшин знал, что болезнь прогрессирует стремительно. Однако виду не показывал. Лишь однажды, когда ему вручали «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда и орден Ленина, он не выдержал – заплакал.

В августе 1989 года было решено торжественно отметить приближающееся 60-летие великого вратаря. Торжество длилось два дня: сначала оно проходило на стадионе «Динамо», где 10 августа состоялись сразу два футбольных матча: сначала силами померились сборные ветеранов «Динамо» и ветеранов мира (матч закончился вничью 2:2), а затем – сборные «Динамо» (СССР) и звезд мира (наши победили 2:0). На следующий день торжества переме-

стились в динамовский Дворец на улице Лавочкина. К сожалению, последнее мероприятие телевидением не записывалось. Проходило оно очень трогательно и собрало большое число известных людей. Поздравить юбиляра пришли: Е. Евтушенко, В. Гафт, М. Задорнов, А. Арканин, М. Евдокимов, В. Винокур, М. Ножкин, И. Роднина, В. Фетисов, В. Юрзинов, В. Давыдов, О. Блохин, Н. Старостин, а также футболисты всех московских команд. Кроме того, из-за рубежа приехали прославленные звезды футбола: португалец Эйсебио, англичанин Чарльтон, болгарин Колев, венгр Грошич. Но особенно растрогало Яшина, когда на сцену вышла футбольная команда олимпийских чемпионов 1956 года во главе с Качалиным и Нетто, а Людмила Гурченко исполнила песню «Команда молодости нашей».

Между тем никто из присутствующих на этом вечере даже не догадывался, что видит великого вратаря в последний раз.

Лев Яшин скончался 20 марта 1990 года. Его супруга Валентина Тимофеевна вспоминает: «Когда Лева умирал, я сидела у его кровати. Он шепчет: «Слушай, поезд уходит, давай поедем побыстрее, вон моя куртка висит». Похоронили великого голкипера на Ваганьковском кладбище.

Футболист трагической судьбы Эдуард Стрельцов, «Торпедо», Москва

В конце 50-х годов в Советском Союзе не было популярнее футболиста из плеяды молодых, чем игрок столичного «Торпедо» Эдуард Стрельцов. На футбольном поле он творил чудеса, после чего о нем взахлеб писали газеты, а толпы поклонниц буквально преследовали молодое дарование по пятам. Ему прочили судьбу «русского Пеле», но этим прогнозам не суждено было осуществиться – их перечеркнуло уголовное дело об изнасиловании.

Эдуард Стрельцов родился 21 июля 1937 года в Москве, в Перове (тогда это были задворки столицы), в рабочей семье. Его отец Анатолий Стрельцов работал столяром на заводе «Фрезер», мать Софья Фроловна – в детском саду. Как гласит семейное предание, Эдуард впервые ударил по футбольному мячу, когда ему было полтора года. Видевшие это соседи Стрельцовых тут же предрекли мальчишке блестящее футбольное будущее. И как оказалось, не ошиблись.

Когда началась война, глава семейства Стрельцовых ушел на фронт. Имея всего лишь четыре класса образования, он был призван рядовым, но уже через год боевых действий стал офицером разведки. В 1943 году приехал на побывку в Москву, и его ординарец рассказал Эдуарду и его матери, каким героем является их отец. «Сколько он «языков» на себе притащил – не перечесть, – хвалился ординарец. – И везучий чертовски. Сколько воюем – ни одной царапины». Несмотря на то что было в ту пору Эдуарду всего 6 лет, эти слова он запомнил на всю жизнь. И в последующем никогда и ни в чем не попрекал своего отца. Хотя было за что.

Дело в том, что через несколько месяцев после этого приезда Анатолий Стрельцов оставил свою семью. На фронте он познакомился с молодой медсестрой и после окончания войны уехал к ней в Киев. Поэтому Софья Фроловна вынуждена была воспитывать сына одна. Порой ей было очень тяжело. Она перенесла инфаркт, болела астмой и вскоре получила инвалидность. Однако сидеть сложа руки не могла и устроилась работать на завод «Фрезер». Туда же после окончания семилетки устроился слесарем-лекальщиком и Эдуард Стрельцов. По его же словам, есть тогда было нечего, они с матерью грызли жмых, и одет он был как оборванец. Впрочем, в те послевоенные годы так жило большинство советских людей.

В то время самым популярным зрелищем для миллионов наших граждан был футбол. Имена знаменитых советских футболистов так же, как и имена киноактеров, знали все граждане страны, даже те из них, кто к футболу относился равнодушно. И не было в стране мальчишки, который не мечтал бы походить на Всеволода Боброва или Николая Дементьева. Не был в этом исключением и наш герой – Эдуард Стрельцов.

Стукнув по резиновому футбольному мячу в полтора года, Эдик вскоре стал самым заядлым футболистом в своем дворе. Единственные ботинки, которые мать купила ему для того, чтобы в них ходить в детский сад, он разбил за несколько дней. Но ругать его за это было бессмысленно – футбол уже тогда стал для него единственным смыслом жизни. Поэтому успехи Стрельцова поражали даже видавших виды футбольных болельщиков. В десятилетнем возрасте его взяли играть за детскую команду завода «Фрезер», а уже через три года он стал центральным нападающим в юношеской и мужской командах завода. В свободное от тренировок и игр время Стрельцов ездил на стадион «Динамо» смотреть матчи чемпионата СССР. Порой бывало так, что он по четыре часа отстаивал в очереди, лишь бы попасть на футбол. Болел Стрельцов за две команды сразу: за ЦДСА (из-за Боброва и Федотова) и за «Спартак». В последнем он мечтал когда-нибудь играть. Однако судьбе было угодно, чтобы наш герой попал в команду «Торпедо». Случилось это в середине 1953 года.

Однажды тренер юношеской команды «Фрезер» Марк Левин упросил тренера «Торпедо» Проворнова посмотреть на игру троих его подопечных: Гришкова, Кондратьева и Стрельцова. Игра всех троих понравилась маститому тренеру настолько, что он тут же предложил им место в своей команде. Те согласились и той же осенью отправились с командой мастеров «Торпедо» на сбор в Сочи. Так Стрельцов сразу попал в основной состав мастеров, минуя годы в дубле. Это было несомненной удачей для молодого футболиста, так как в те годы конкуренция среди футболистов была очень большой. И редко кому удавалось так быстро (наш герой сыграл за дубль всего лишь четыре игры) пробиться в основной состав. Но Стрельцову судьба явно благоволила.

В торпедовском нападении Стрельцов играл вместе со своим другом Валентином Ивановым. Понимали они друг друга буквально с полуслова, чего нельзя было сказать о других игроках «Торпедо». Многие из игроков команды откровенно завидовали удаче двух этих форвардов, так рано попавших в команду мастеров. И зависть эта обуревала старших товарищей даже на поле во время игры. В результате, как ни просили Стрельцов и Иванов отдавать им побольше пасов, их коллеги по команде часто игнорировали эти просьбы. Естественно, это оказывалось на общей результативности команды.

В сезоне 1953/54 команда «Торпедо» выиграла всего 8 игр и заняла в чемпионате СССР 9-е место (из 12 команд). Торпедовцами было забито 34 гола, из которых семь забил Валентин Иванов и пять – Эдуард Стрельцов. Неплохой результат для новичков.

В самом начале 1955 года Стрельцов попал в сборную СССР. Причем кандидатов на включение в нее было человек тридцать, но тренеры отдали предпочтение нашему герою. Его первой зарубежной поездкой в составе сборной стала поездка в Индию. Затем были матчи со сборной Венгрии и Франции в Москве, со сборной Швеции – в Стокгольме. Во время последней игры Стрельцов забил хозяевам поля три (!) мяча. После этого шведские тренеры заявили: «Такого игрока мы готовы ждать в своей команде хоть пятьсот лет!»

Игра Стрельцова была действительно великолепной и имела свои, никому не присущие черты. Например, у него была прекрасная интуиция на голевые моменты. Он мог находиться в стороне от основных событий и, когда противник, «усыпленный» этим, забывал про него, сделать резкий рывок, перехватить мяч и забить гол. Правда, порой многие болельщики такой манеры игры своего любимца не одобряли. Когда он стоял, они свистели ему с трибун, называли лентяем. Однако мало кто тогда знал, что у Стрельцова было плоскостопие и после игры каждый шаг ему давался с огромным трудом и болью.

Коронным приемом Стрельцова на поле был пас пяткой, за который его чаще всего и хвалили. Делал он этот прием так виртуозно и неожиданно для соперников, что каждый раз после него трибуны стадиона буквально ревели от восторга. Впервые этот прием Стрельцов опробовал в 1956 году в игре с московским «Динамо». В результате получивший от нашего героя пас Иванов влепил красивый гол в «девятку» самому Льву Яшину.

В том году в чемпионате СССР «Торпедо» заняло 5-е место (в 1955-м – 4-е). Это был год триумфа московского «Спартака», который стал чемпионом страны. Однако в матче с «Торпедо» 2 мая он потерпел поражение. Тот матч стал одним из лучших в карьере Стрельцова. И вот почему. В нападении у спартаковцев играли сразу пять форвардов сборной СССР, в то время как у «Торпедо» в нападении были только два «звездных» игрока – Стрельцов и Иванов. Казалось, что этот численный перевес и решит исход матча в пользу «Спартака». Однако все получилось иначе. Два торпедовских форварда переиграли своих соперников по всем статьям. Счет 2:0 в пользу «Торпедо» наглядно это продемонстрировал.

Летом того же года в Москве состоялась Спартакиада народов СССР. Стрельцов и Иванов были приглашены играть за сборную Москвы. Играли они хорошо, получили свои первые в жизни золотые медали и вошли в список 33 лучших игроков Спартакиады. А затем осенью их взяли в сборную СССР для участия в Олимпиаде в Мельбурне, где их ожидал новый триумф.

В первой же игре – со сборной ФРГ – наши победили 2:1. Второй гол в ворота немцев забил Стрельцов. Затем была победа над сборной Индонезии – 4:0. В полуфинале наши встречались со сборной Болгарии. Тот матч был одним из самых трудных и драматичных для нашей сборной. При счете 1:0 в пользу болгар у нас внезапно получили травмы сразу два игрока: В. Иванов и Н. Тищенко (у последнего была сломана ключица). И хотя с поля они не ушли, однако игра у нашей команды никак не получалась. До конца матча оставалось всего 8 минут, и болгары мысленно уже торжествовали победу. И тут случилось чудо. Травмированный Тищенко, получив мяч, точным ударом отправляет его в ноги Стрельцову. Тот совершает стремительный рывок от центра поля и мощным ударом вгоняет мяч в сетку ворот болгарской команды. 1:1. А буквально через несколько минут после этого Борис Татушин забивает и второй гол. Победа!

В финале олимпийского турнира наша сборная играла с командой Югославии. К сожалению, Стрельцов в этом матче на поле так и не вышел. Почему? Получивший травму в предыдущем матче Иванов на поле выйти также не смог, и поэтому тренер Игорь Нетто решил не выпускать на поле и его торпедовского напарника – Стрельцова. Вместо них в нападении играл спартаковский tandem Татушин – Исаев. В центре играл их же коллега по команде Никита Симонян.

Югославская сборная считалась тогда одной из сильнейших в мире. На предыдущей Олимпиаде в Хельсинки (1952) она завоевала золотые медали в драматичной борьбе, обыграв нашу сборную во второй игре. То же самое она попыталась сделать и на этот раз. И ей наверняка удалось бы это сделать, не стой в наших воротах Лев Яшин. Отразив более пятнадцати опасных ударов югославов с разных точек поля, наш прославленный голкипер сумел внести смятение в ряды противника. Этим и воспользовались наши нападающие. В один из моментов, когда шла 50-я минута матча, Анатолий Ильин вогнал мяч в ворота сборной Югославии. Этот гол стал золотым, и наша сборная стала олимпийским чемпионом. Правда, Стрельцову золотую медаль не вручили, так как в последней игре он не участвовал. Но когда команда вернулась на родину, никого из футболистов не забыли – всех наградили орденами. Стрельцов и Иванов получили ордена «Знак Почета».

Год 1957 еще более укрепил положение Стрельцова в советском футболе. В том году его родное «Торпедо» заняло в чемпионате страны 2-е место (первое взяли динамовцы Москвы). Стрельцов забил в том чемпионате 12 голов.

Каким был Стрельцов за пределами футбольного поля? К моменту, когда на него обрушилась всенародная слава, ему было всего лишь 19 лет. Мало кто из его сверстников смог бы устоять от соблазнов, которые открывает перед ними такая популярность. Не стал исключением и наш герой. Когда он впервые перешагнул порог команды «Торпедо», на нем был старенький ватник, а в руке деревянный чемодан. К 1957 году он получил от команды отдельную квартиру в новом доме на Автозаводской улице, стал прилично зарабатывать, женился (в этом браке у него родилась дочь). Одевался Стрельцов стильно, на голове соорудил модный кок. В общем, пижонил. Футболисты в те годы считались популярными личностями, многие из них были вхожи в артистическую богему. По словам самого Стрельцова, его никогда не тянуло в эту компанию, хотя со многими популярными артистами он был знаком (например, с Петром Алейниковым, Владимиром Земляниным, Анатолием Папановым и др.).

Как утверждают очевидцы, команда «Торпедо» в 50-х годах не отличалась большой внутренней дисциплиной. Более того, в смысле порядка там царила настоящая «махновщина». Вот как об этом вспоминает бывший футболист Юрий Севидов: «Нельзя отрицать, что по части дисциплины и Эдуард Стрельцов, и многие другие его товарищи по «Торпедо» дошли, как говорится, дальше некуда. Играла команда успешно и очень красиво, потому что в ней собирались прекрасные, талантливейшие мастера. Но эта компания была неуправляема. Футболисты могли всей командой после очередного матча крепко выпить, а могли и тренера неугодного снять, потому как ведущие игроки дружили с руководством ЗИЛа...»

По части «подвигов» вне футбольного поля Стрельцов мог дать фору многим своим коллегам. Например, в период с апреля 1957 по январь 1958 года он несколько раз задерживался милицией за хулиганство на улице. Так, 14 апреля 1957 года футболист учинил драку во Дворце культуры завода имени Лихачева. Когда его попытались утихомирить, то он еще более распоясался, ругался и кричал, что стоит ему только позвонить директору завода Крылову...

В ночь с 8 на 9 ноября того же года Стрельцов напился и стал ломиться в дверь семьи Спицыных по адресу Крутицкий Вал, дом № 15. Испуганные соседи по телефону вызвали милицию, и дебошира увезли в 93-е отделение милиции. Но и там он не успокоился: всю дорогу ругался и грозился пожаловаться куда следует.

Наконец, 26 января 1958 года Стрельцов в состоянии алкогольного опьянения учинил новую драку: возле станции метро «Динамо» подрался с неким гражданином Ивановым. Его вновь схватила милиция, и он опятьказал ей сопротивление. За это он был привлечен к ответственности по Указу от 19 декабря 1956 года «Об ответственности за мелкое хулиганство» и получил наказание в виде трех суток содержания под стражей.

Самое удивительное, что обо всех этих проступках футболиста знали руководители команды «Торпедо», однако серьезных мер в отношении провинившегося не принимали. Почему? Здесь два объяснения: или боялись его нервной реакции на это, или просто потворствовали восходящей звезде. Его прощали даже тогда, когда он чуть ли не срывал запланированные футбольные матчи. В 1957 году они вместе с Ивановым опоздали на поезд Москва – Берлин, и сборная команда СССР без них уехала на отборочную игру с командой ГДР (тогда решалось, кто из них поедет на чемпионат мира в Швецию). Пришлось нарушителям догонять товарищей на машине. В Можайске ради них было принято решение остановить поезд и дожидаться, пока они не подъедут на автомобиле. После этого происшествия оба провинившихся чувствовали себя виноватыми перед командой и горели желанием на поле загладить свою вину. И им это удалось. Стрельцов, например, несмотря на травму ноги, умудрился сделать голевую передачу и забить один гол. Благодаря этому наши тогда и победили.

Все вышеперечисленные проступки не делали чести спортсмену, однако в какой-то мере были объяснимы: звездная болезнь для двадцатилетнего парня дело обычное. Выросший без отца, Стрельцов так и не сумел найти достойную замену ему – старшего товарища, который своим авторитетом сумел бы остановить его от скатывания в пропасть. Но до роковой развязки было еще несколько месяцев. А пока Стрельцов продолжал почивать на лаврах, нося звание одного из лучших футболистов Советского Союза.

Бывший врач сборной СССР О. Белаковский вспоминает:

«Не припомню другого такого случая, когда бы в футболе так ярко и стремительно разгоралась звезда. Стрельцов появился, как метеор! Он сразу бросался в глаза: рослый, красивый, атлетически сложенный парень, всегда приветливый и доброжелательный...

У нас в стране появился редкостный талант, самородок. Даже мальчишкой, каким мы впервые его увидели, он прекрасно видел поле и умел мыслить тактически во время игры. Это редкостный дар! Стрельцов, без сомнения, был игрок мирового класса, ничуть не уступающий талантом Пеле. Поверьте, я видел много великих футболистов – всех кумиров спортивного мира, чья слава не меркнет с годами, и могу утверждать: Стрельцов занимает свое, особое место среди них».

К началу 1958 года Стрельцов по праву считался одним из самых лучших советских футболистов, кумиром миллионов. Видеть его в своих рядах мечтали многие сильнейшие наши команды, в том числе и московский «Спартак». Однако от предложения уйти из «Торпедо» Стрельцов внезапно отказался. Почему? Сам он позднее объяснил этот поступок боязнью обидеть прославленного спартаковца Никиту Симоняна, на место которого он мог претендовать.

Тем временем в июне 1958 года в Швеции должен был стартовать очередной чемпионат мира по футболу. Миллионы болельщиков во всем мире с нетерпением ждали его начала,

мысленно уже предвкушая прекрасный футбол. Советские любители футбола ждали его с еще большим интересом: всем хотелось быть свидетелями дуэли двух восходящих звезд мирового футбола: бразильца Пеле и нашего Эдуарда Стрельцова. Однако этой дуэли так и не состоялось.

Сборная СССР должна была выехать в Стокгольм 28 мая. За три дня до этого события игроки сборной собирались в ателье на проспекте Мира, где должны были примерить специально сшитые для них костюмы. После этого игроки разошлись. Стрельцов сначала сходил в баню, затем отправился к знакомому директору магазина на улицу Горького, где у него была назначена встреча с Б. Татушиным и М. Огоньковым. Они тогда задерживались, и наш герой уже собирался было ехать домой, но тут в комнату зашел еще один знакомый Стрельцова – Сергей Сальников. Они вместе выпили, а тут и Татушин с Огоньковым подошли. Далее – слово М. Огонькову: «Мы со Стрельцовым на моей машине поехали на Пушкинскую площадь, где должен был ждать Татушин, с которым мы договорились поехать за город отдохнуть. В машине Татушина сидели незнакомый мне парень по имени Эдик (Эдуард Тарханов – летчик. – Авт.) и две девушки, Инна и Ира, которых я тоже не знал. Эдик предложил поехать к нему на дачу на станцию Правда, где поблизости есть водохранилище. Мы купили вино и закуску. Приехав на водохранилище, выпили, поиграли в волейбол. По дороге на дачу остановились в Пушкине, где Татушин оставил нас, а потом привез еще двух девушек, Тамару и Марину, которых я тоже не знал. Вечером на даче еще играли в волейбол, в теннис. Сели за стол в 12 часов ночи...»

О том, как развивались события дальше, существует две версии. По одной из них (ее подтверждает следователь прокуратуры Э. Миронова), после шумного застолья молодые люди разбились на пары и разошлись по разным комнатам. Стрельцову «досталась» Марина, однако она уединяться не захотела и сказала об этом хозяйке дачи. Но та не стала ее слушать и просто затолкала в комнату, где был Стрельцов, и закрыла дверь на ключ. Марина начала плакать, на что Стрельцов ответил руганью и тумаками. Однако девушка оказалась не из робких, и, когда Стрельцов начал срывать с нее платье, она вцепилась ему в лицо и стала царапать его. Судя по всему, это окончательно вывело из себя футболиста, и он обрушил на девушку град ударов. В результате, выбив ей несколько зубов и сломав нос, он довольно быстро подавил сопротивление жертвы и бросил ее на кровать. Самое удивительное, что, слыша шум этой борьбы, к месту происшествия не пришел ни один из друзей футболиста. Если бы кто-то из них вмешался и унял пьяного приятеля, трагедии удалось бы избежать. Однако...

Другую версию на страницах газеты «Совершенно секретно» высказал еще один юрист – Андрей Сухомлинов (он получил доступ к материалам уголовного дела Э. Стрельцова). По его словам, все выглядело совершенно иначе. Как же?

Оказывается, весь вечер Стрельцов и Марина вели себя как близкие люди – гуляли, целовались, за столом ели с одной вилки. Вечером все вновь уселись за стол, и веселье продолжалось до глубокой ночи. При этом всеми было выпито довольно большое количество спиртного, в том числе и Мариной со Стрельцовым (на столе тогда стояла сорокаградусная «Старка»). После застолья все разбрелись по комнатам, причем Стрельцов и Марина ушли чуть раньше остальных. Судя по всему, именно в этот отрезок времени все и произошло.

Видимо, Стрельцов в комнате стал приставать к девушке, а та стала сопротивляться. Сама она на суде вспомнит, что Стрельцов обращался с ней грубо и ей это не понравилось. Однако ее воспоминания простираются только до того момента, когда Стрельцов толкнул ее на кровать. Что было потом, она так и не вспомнила – была сильно пьяна.

Между тем вскоре в ту же комнату на очаг пришли еще двое: Ирина и Тарханов, которые устроились на полу. Посреди ночи Ирина внезапно проснулась и увидела, что Стрельцов и Марина вновь занимаются любовью. Причем никакой борьбы в этом случае уже не было.

Далее – рассказ О. Белаковского:

«Наутро мы встречались на Ярославском вокзале, чтобы ехать на тренировку в Тарасовку. Эдик Стрельцов задерживался. А появился в самом плачевном виде: лицо сильно поца-

рапано, ноготь на пальце откусен, и вообще выглядел он, прямо скажем... Да еще под парами со вчерашнего дня... Лева Яшин его спрашивает: «Что это, Эдик, с тобой?» А тот отвечает: «Да я, Лев Иванович, был у бабушки на даче, и меня там собака покусала...» Яшин посмеялся. «Да, – говорит, – какая злая собака!»

Я подхожу к тренеру Качалину: «Стрельцов нарушил режим вчера, тренироваться не может». Качалин огорчился, конечно: «Ладно, положите его спать пока...»

Между тем, пока Стрельцов отсыпался после бурной ночи на базе в Тарасовке, Марина с довольно помятным видом вернулась домой и сообщила, что ее изнасиловали. Мать воспылала справедливым гневом и тут же повела дочь в местное отделение милиции. Той же ночью Стрельцов, Татушин и Огоньков были арестованы прямо на базе сборной в Тарасовке. Правда, вскоре двоих последних освободили, и под арестом остался один Стрельцов. Ему и было предъявлено обвинение в изнасиловании.

Вспоминая те драматичные дни, тогдашний начальник сборной СССР Владимир Мошкаркин рассказывал: «Я чувствую свою вину за случившееся. Ведь я поддался на уговоры игроков и отпустил их за день до отъезда в Швецию со сбора в Тарасовке проститься с родными. Утром они должны были явиться к завтраку... Прояви я стойкость, не пойди на поводу у команды, Эдик в Швеции, глядишь, и Пеле затмил бы. Но я бы главным виновником этой истории назвал Б. Татушина. Кто такая пострадавшая – Лебедева? Подруга его знакомой. Татушин и свел их, увлек на дачу...»

О том, что знаменитый футболист Стрельцов арестован, стало известно москвичам уже на следующий день. Комментариев на этот счет было огромное количество, но всей правды мы не знаем даже сейчас, по прошествии стольких лет после этих событий. Но кое-какие выводы сделать все-таки можно.

Например, однозначно можно утверждать, что это дело намеренно раздувалось по указу сверху – по инициативе Н. Хрущева. Узнав о том, что молодой знаменитый игрок избил и изнасиловал девушку, он пришел в неописуемую ярость и приказал раскрутить это дело «на всю катушку». Кроме этого, ходили слухи о том, что свой зуб имели на Стрельцова и кое-кто из окружения Хрущева. Например, Екатерина Фурцева. В свое время она мечтала выдать свою дочь за этого футболиста, но Стрельцов якобы ей отказал, заявив: «Я свою Алку ни на кого не променяю!» Этого поступка ему, видимо, не простили.

Еще одним доказательством того, что Стрельцова стремились засадить за решетку, было то, что пострадавшая через пять дней после случившегося полностью отказалась от своих обвинений. В своей записке от 30 мая она писала: «Прошу прекратить дело Стрельцова Э. А., так как я ему прощаю». Однако это заявление следствие проигнорировало. А затем потерпевшая забрала свое заявление обратно.

Далее. Многие наблюдавшие стремительное восхождение Стрельцова к вершинам славы утверждают, что это не давало спокойно спать большинству влиятельных спортивных чиновников. Конечно, с одной стороны, он приносил советскому спорту огромную славу и популярность во всем мире, но, с другой стороны, уж очень он был строптив... Не этим ли был вызван и такой эпизод, который произошел за три дня до случая на даче. В тот день в ЦК были приглашены председатель Спорткомитета СССР Романов и начальник сборной Мошкаркин. Там им сказали: «Есть мнение, что Стрельцов намерен остаться в Швеции. Поэтому брать его туда не стоит». Романов и Мошкаркин, пораженные таким заявлением, сначала растерялись, однако затем принялись горячо переубеждать высокого начальника в абсурдности этой мысли. «Откуда вы это взяли?» – вопрошали они. «А вы не помните, как три года назад шведы сами зазывали Стрельцова к себе? Вдруг он согласится на этот раз? Ведь он неуправляем», – отвечал им высокий начальник. Но защитники Стрельцова все-таки сумели переубедить его и отказаться от своих подозрений. Стрельцова в сборной оставили, но обмануть судьбу ему так и не удалось.

Буквально за месяц до начала судебного процесса, когда в народе все чаще стали звать мысли о том, что власти специально хотят засадить в тюрьму всесоюзную знаменитость, в центральной прессе была начата кампания по дискредитации Стрельцова. Так, в газете «Комсомольская правда» был напечатан фельетон Семена Нариньяни под весьма выразительным названием – «Звездная болезнь». Прочитав эту статью, любой нормальный человек делал однозначный вывод: и правильно сделали, что арестовали этого распоясавшегося юнца. Не случайно, что вырезка из газеты с этим фельетоном была сразу же подщита в уголовное дело № 53–50, заведенное на Стрельцова.

Можно ли было спасти Стрельцова от тюрьмы? Вот что по этому поводу думает автор книги о нем Александр Нилин: «...Пришли с ним на похороны Харламова (в августе 1981 года. – Авт.). Вокруг почти все в военных мундирах. Эдик огляделся: «Если б перешел в ЦСКА, не в тюрьме бы сидел, а тоже был бы майором». Им с Валей Ивановым ЦСКА даже квартиры подобрал... А самое интересное – Стрельцов болел за «Спартак»! Но перейти туда не смог. Говорил: «Мне неудобно перед Симоняном, приду-то на его место». Вопрос с армией торпедовское начальство для Стрельцова и Иванова решило. Директор завода съездил в ЦК. Эдик сказал приятелю: «Армия – армией, а ЦК – цекой...» Но вот от тюрьмы освободить не смогли. А вот «Спартак» бы смог. Он ведь себя позиционировал как «народная команда», но Старостин знал всех начальников. Своих-то, Татушина и Огонькова, отстоял. Их исключили из футбола, но в тюрьму не посадили...»

В те дни, когда Стрельцов сидел за решеткой, сборная СССР по футболу отправилась в Швецию на чемпионат мира. В ее составе не было трех игроков: Стрельцова, Татушина и Огонькова. Так как выбыли они из состава сборной буквально накануне турнира, замену им пришлось искать в спешном порядке. Все это, естественно, не могло не сказаться на игре команды. В результате сборная СССР свела вничью матч с командой Англии (2:2), выиграла у Австрии (2:0), но проиграла сборной Швеции (0:2). Последний матч и решил судьбу нашей сборной: она выбыла из дальнейшего спора за звание чемпионов мира. Думаю, вряд ли наша команда выступила бы столь неудачно, не случись то происшествие на даче. Однако история не знает сослагательного наклонения.

Суд над Стрельзовым состоялся в конце июля 1958 года в здании Московского областного суда. У большинства присутствовавших на нем в начале процесса была еще надежда на то, что правосудие будет снисходительным по отношению к восходящей звезде. Однако никакого снисхождения Стрельцов не дождался. Приговор суда от 24 июля был откровенно суров: согласно Указу от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования» осудить Э. А. Стрельцова на 12 лет лишения свободы. Когда этот приговор был оглашен, подсудимый в сердцах заявил: «Предлагали мне остаться во Франции, но я не захотел. А жаль!...» Сразу после приговора его первая жена подала на развод.

Первые месяцы своего заключения Стрельцов отбывал на лесоповале в Кировской области. Однако там он не задержался. Однажды его сильно избили другие заключенные, и начальство решило перевести его в другое место – в колонию № 5 города Донского Тульской области. Здесь никаких инцидентов у него уже не возникало. Поэтому в 1960 году срок заключения Стрельцову был снижен с 12 до 7 лет. Через год, когда зоны поделили на режимы и на строгом (в колонии № 5) стали концентрировать рецидивистов, Стрельцова, как впервые осужденного, перевели в соседнюю колонию – № 1. Тогда эта колония только отстроилась и на всю зону был всего один барак. Все зэки работали в инструментальном цехе, и Стрельцов вместе со всеми точил гаечные ключи с трещоткой. Несколько позднее (уже в Электростали) его перевели в отряд хозяйственной службы на должность библиотекаря. Тогда же он пошел учиться в восьмой класс.

Самое удивительное, но даже в заключении Стрельцову удавалось играть в футбол. В одном из писем матери он писал: «Уже начали играть в футбол. Играли товарищескую игру

с 7-м лагпунктом, выиграли со счетом 7:1. С 1 июня начнется розыгрыш кубка по лагерям. Будем ездить на разные лагпункты. Время пойдет веселей...»

Стоит отметить, что, в отличие от футбольных матчей на свободе, игры в зоне представляли собой нечто иное зрешище. Например, в большинстве своем игроки зэковских команд были откровенными костоломами и не чурались никаких нарушений. Играть против таких футболистов было опасно для здоровья. Но Стрельцов играл и даже умудрялся демонстрировать техничный и результативный футбол. Так, во время игры с командой костоломов, когда счет был 10:0 в их пользу, Стрельцов внезапно взорвался и стал один за другим вколачивать голы в их ворота. Остановить его было невозможно. Видя все это, зрители на трибунах ревели так восторженно, что обитатели соседнего поселка подумали, что на зоне начался бунт.

После того как первая жена Стрельцова подала на развод, у него на воле осталась девушка – Гая, с которой он переписывался какое-то время. Однако затем и она вышла замуж за другого. По этому поводу Стрельцов в одном из писем матери написал: «Встретишь Гаю, передай привет и пожелай ей счастья в семейной жизни. Правильно она сделала...»

Первые годы своего заключения Стрельцов писал просьбы о пересмотре его дела, снижении срока. Однако все его просьбы оставались без внимания. В конце концов он и вовсе перестал их писать и просил мать, чтобы она тоже зря не обивала пороги начальственных кабинетов. Читаем в одном из его писем: «Еще я могу тебе посоветовать никуда не ходить. Это, по-моему, для тебя будет лучше. А то ты со своим здоровьем доходишься, что ляжешь и не встанешь. А когда я освобожусь, то мне некуда будет ехать, никого у меня не будет...»

И еще строчки, уже из другого письма: «Мама, не ты недоглядела, а я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до хорошего не доведут. Но я не слушал тебя, и вот – результат... Я думал, что приносил деньги домой и отдавал их тебе – и в этом заключался весь сыновний долг. А оказывается, это не так, маму нужно в полном смысле любить. И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому...»

Через какое-то время Стрельцова перевели в колонию общего режима и назначили там ночных дневальных. Эта должность позволяла ему ночью заниматься уроками, а днем поддерживать спортивную форму. Однако среди зэков эта должность считалась позорной, поэтому блатные откровенно презирали Стрельцова. Но он и не стремился водить дружбу с блатными.

В футбол играть Стрельцову вскоре запретили из-за досадного случая. Настоящего футбольного мяча у него не было, поэтому он смasterил самодельный: скрутил две телогрейки и обтянул их проволокой. Получился какой-никакой, но мяч. Однако весил он не менее пяти килограммов, и однажды вратарь, ловивший его после удара Стрельцова, сломал себе ключицу. После этого начальство изъяло мяч и запретило зэкам играть в футбол. Но это было уже в самом конце тюремной эпопеи нашего героя. Через несколько месяцев он наконец вышел на свободу (большую помочь в этом оказал сын тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Микояна). На дворе стоял 1963 год.

Тот год изменил и личную жизнь нашего героя. Буквально через полгода после освобождения он познакомился на стадионе «Торпедо» с девушкой по имени Раиса. Она работала продавщицей в ГУМе и жила там же, где и Стрельцов, – на Автозаводской улице. В тот день вместе с подругами Раи пришла на стадион. Одну из ее подруг знал Стрельцов. Вот через нее они и познакомились. Вскоре они поженились, и в этом браке у них родился сын Игорь.

В 1963–1964 годах Стрельцов играл в футбол за цеховую команду и за первую мужскую «Торпедо». Играл неплохо и с каждым матчем набирал свою былую мощь и мастерство. Наконец в сезоне 1965 года было официально объявлено, что Стрельцов возвращается в основной состав «Торпедо». Стоит отметить, что это был беспрецедентный случай в истории отечественного футбола: еще никто из игроков не возвращался в большой футбол после шестилетнего перерыва.

Между тем возвращение Стрельцова в большой футбол не было легким. О той закулисной борьбе, которая ему предшествовала, рассказывает бывший в те годы секретарем парткома ЗИЛа А. Вольский:

«Шла настойчивая борьба за то, чтобы Стрельцову разрешили играть. Она длилась полтора года. Не хочу ничего плохого говорить о прежних руководителях федерации футбола, но они совершенно не отставали Стрельцова. Бился только один завод.

Однажды мы допустили непозволительный для себя шаг. Команда играла в Горьком. Вдруг весь стадион начал кричать: «Стрель-цо-ва! Стрель-цо-ва!» Естественно, без разрешения никто его на поле выпустить не мог. Тогда люди начали поджигать газеты. Это было страшное пламя. Загорелась даже часть трибун. Почти пожар. В перерыве к нам в раздевалку пришел один из руководителей Горьковского автозавода: «Ребята, если вы не выпустите его, они сожгут стадион». И тогда я говорю тренеру Марьенко: «Знаешь что, выпускай Стрельцова. В конце концов, ничего страшного в этом нет. Ну, накажут...» Эдик вышел. Стадион принимал его стоя.

Когда мы приехали в Москву, мне позвонил тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии Ильичев. Кричал: «Что вы хулиганите?! Бандита, развратника, насильника выпустили на поле. Это абсолютно недопустимо. Мы вас накажем». Я говорю: «Меня-то легко наказать. Как вы завод накажете? Тех болельщиков, которые просили его выпустить?...» Он сказал: «Мы разъясним, но уже без вас». Затем мой поступок обсуждали на бюро горкома...

Тогда мы решили действовать иным путем. Написали письмо на имя нового председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева. Первая страничка полностью состояла из имен депутатов Верховного Совета СССР, РСФСР, которых на ЗИЛе было немало, орденоносцев, знатных людей... И еще сорок страниц примерно с десятью тысячами подписей рядовых рабочих. После чего нас с Александром Ивановичем Косицыным, тоже работником ЗИЛа, и депутатами пригласили в Верховный Совет. Брежnev меня просто потряс. Он сказал: «А я не понимаю... Если слесарь отбыл срок, почему ему нельзя работать слесарем?» Мы, естественно, с дрожью повскакали: дорогой Леонид Ильич, и так далее... Я попутно рассказал о звонке Ильичева. На что Брежнев ответил: «Ну, на Ильичева мы управу найдем». Не знаю, сколько потребовалось времени, чтобы Стрельцову разрешили играть. По-моему, меньше часа. Вышло постановление Федерации футбола СССР, и Стрельцов был мгновенно заявлен. При всем том, что он полысал, потяжелел, гениальность осталась...»

В сезоне 1963/64 «Торпедо» заняло в чемпионате СССР 2-е место. Это был большой успех, так как год назад команда довольствовалась всего лишь 10-м местом. Однако теперь, с приходом Стрельцова, торпедовские болельщики всерьез рассчитывали на «золото». И наш герой не мог их подвести.

Первый матч, в котором в составе «Торпедо» на поле вышел Стрельцов, состоялся в Москве. Это была игра «Торпедо» – «Крылья Советов» (Куйбышев). Стадион был забит до отказа только по одной причине – все пришли посмотреть на Стрельцова. Но он в тот день выглядел не слишком убедительно и многих откровенно разочаровал. Было заметно, что он стал несколько тяжеловат. Однако многие продолжали верить в него и ждали, когда он наконец заявит о себе в полную мощь. И это ожидание не оказалось напрасным. Буквально матч за матчем Стрельцов стал прибавлять в скорости и начал забивать свои первые голы. (Отметчу, что первый и второй свои голы он забил в одном матче – с одесским «Черноморцем».)

Вспоминает А. Нилин: «Очень многие испытали разочарование, увидев отяжелевшего Эдика на поле, и к тому же сильно изменившегося внешне. Он и в былые годы нередко простоявал большую часть матча, но такая выключенность убедительно компенсировалась затяжным рывком, заставлявшим публику подняться со своих мест, увидев, что Эдик принял мяч на своей еще половине поля. Сейчас же он, не отказавшись от своих привычек созерцателя, ограничивался пасами, не вполне понятными новым партнерам, не привыкшим к такому игровому

остроумио. Оставшийся без Стрельцова Иванов чаще требовал играть на себя – и совершенно прав был. А тут вдруг игрок, призванный завершать атаки, занят исключительно распасовкой. И совсем не забивает голов. Не хочет или не может? Боже мой, как же мы радовались первому голу Эдика… совсем, как мне тогда показалось, невыразительному, но позднее Стрельцов сказал, что вот такие голы («без звона») он и любит забивать… В той игре он и еще один мяч забил – ему дали пробить пенальти, вратарь угадал направление, среагировал, мы все зашлись от досады, но Эдик повторным ударом спокойно поднял мяч прямо под перекладину…»

В конце концов к середине сезона Стрельцов разыгрался так, что остановить его было уже невозможно. «Торпедо» уверенно шло к победе в чемпионате и, набрав 51 очко, заняло 1-е место. Стрельцов стал лучшим бомбардиром в команде – забил 12 мячей.

В 1966 году «Торпедо» вполне реально могло завоевать еще одну награду – Кубок СССР. Однако этого не случилось. В финальном матче с киевским «Динамо» торпедовцам не повезло и они проиграли 0:2.

В том же году в чемпионате СССР «Торпедо» заняло всего лишь 6-е место. Затем выбыло из Кубка европейских чемпионов. И хотя вины Стрельцова в этом не было, однако руководство сборной СССР решило не брать его на предстоящий чемпионат мира в Англию. Видимо, клеймо зэка все еще довлело над нашим героем. (Говорят, против кандидатуры Стрельцова возражал будущий министр культуры СССР П. Демичев.) На том чемпионате сборная СССР выступила очень удачно и заняла 4-е место.

И все же майку игрока сборной СССР Стрельцов надел: в 1967 году, когда наша сборная встречалась в Лондоне с хозяевами поля. Тот матч закончился вничью: 2:2. Затем было еще несколько матчей.

Стрельцов продолжал играть в родном «Торпедо», хотя мысли о переходе в другую команду его посещали все чаще. Дело в том, что в сезоне 1967 года команда заняла 12-е место, и тренер «Торпедо» откровенно обвинял в этом неуспехе ведущих игроков, в том числе и Стрельцова. Однако тренера вскоре сменили, и уходить из команды не понадобилось. В 1968 году «Торпедо» заняло уже 3-е место (Стрельцов забил 21 мяч, чего не добивался и в молодости, ему вернули звание заслуженного мастера спорта), в 1969-м – 5-е. Однако затем проблема ухода вновь встала перед Стрельзовым. И было тому несколько причин.

Свой последний матч за сборную ССР Стрельцов сыграл 4 мая 1968 года. Это была игра против сборной Венгрии в Будапеште – отборочный матч одной четвертой финала чемпионата Европы. Стрельцов был не в лучшей форме и даже за несколько дней до игры сказал тренеру сборной Михаилу Якушину: «Смотри, как бы я тебя не подвел». Тренер пропустил эту фразу мимо ушей. А зря.

Почти весь матч Стрельцов на поле… простоял. А когда в одном из эпизодов имел реальный шанс поразить ворота соперников, то как-то неуклюже распорядился мячом и тот в ворота не попал. Наши проиграли 0:2, что означало – в ответном матче в Москве нам требовалось забивать три безответных гола. Самое интересное, наши выиграют именно со счетом 3:0, однако Стрельцов на поле уже не выйдет – рассерженный Якушин «отцепит» его от сборной. Как окажется, навсегда.

В сезоне 1969 года Стрельцов сыграл за «Торпедо» всего лишь 11 игр, после чего получил травму – порвал ахиллесово сухожилие. Причем случилось это с ним, когда он играл в матче за дубль. А сделал это динамовец Сергей Никулин, которого называли Коса (та, что траву косит). Вот что рассказывает об этом динамовец В. Эштреков: «Я был на том матче. Дублеры «Динамо» и «Торпедо» играли на Малой арене в Петровском парке. Эдик восстанавливался после травмы, нужна была игровая практика. А Серега и в юности на поле спуску не давал. Он не подлый. Просто, когда нет сильных качеств, что выходит на первый план? Зверская самоотверженность. Ломать Эдика, конечно, не хотел. Не удачно подкатился – разрыв ахилла. Это Стрельцова и добило…»

Так наш герой надолго выбыл из основного состава. Кроме этого, у Стрельцова испортились отношения с Валентином Ивановым, которого назначили одним из тренеров «Торпедо». Вернувшись после травмы в строй Стрельцов не смог быстро набрать нужную форму, и поэтому его очень редко выпускали на поле. В конце концов ему это надоело и, не доиграв сезон 1970 года, Стрельцов ушел из большого футбола. «Торпедо» в том году заняло в чемпионате 6-е место.

Отыграв в «Торпедо» всю свою спортивную жизнь (1952–1958, 1965–1970), Стрельцов провел в чемпионатах СССР 222 матча, забил 100 голов. В сборной СССР (1955–1958, 1966–1968) провел 38 матчей, забил 25 голов (2 неофициальных матча, 4 гола). В еврокубках сыграл 9 матчей, 3 гола. Пять раз попадал в список «33 лучших футболистов страны»: № 1 (1956, 1965, 1968), № 2 (1966, 1967).

В «Футбольной энциклопедии» про Э. Стрельцова написано следующее:

«Необычно рано появившись в большом футболе, он сразу же занял место на острие атак «Торпедо». Стремительный рывок, смелость в единоборствах и в борьбе за верховые мячи, отличный дриблинг, сильные удары с обеих ног быстро создали Стрельцову славу грозного бомбардира. В паре с Валентином Ивановым они могли переиграть практически любую защиту...»

В своем втором явлении на футбольном поле он предстал перед зрителями совершенно иным. Сила повзрослевшего Стрельцова была в умении видеть поле, отдать острый, удобный для приема пас партнеру. Уверенная обводка с использованием корпуса, хорошая игра головой, способность проторанить оборону соперника остались при нем. Но восхищали любителей футбола в игре зрелого мастера еще и его феноменальная игровая интуиция, коварные, направленные в самую уязвимую точку, удары по воротам, «фирменный» пас пяткой...»

Уйдя из футбола, Стрельцов налег на учебу – стал ездить в Малаховку, в филиал Смоленского института физкультуры. Через три года его вновь пригласили в «Торпедо» – на этот раз тренером, помощником к В. Иванову. Стрельцов согласился. «Торпедо» тогда играло прескверно, занимая 7–9-е места в чемпионате. С приходом Стрельцова ситуация изменилась: в 1974 и 1975 годах команда заняла 4-е место. В 1976 году и вовсе стала чемпионом страны. Правда, Стрельцова к тому времени в команде уже не было: он так и не вписался в тренерское руководство родным клубом.

Рассказывает А. Нилин: «Помню, Эдик рассказывал мне, как встретил Воронина незадолго до гибели (подробно об этом в следующей главе. – Авт.): «Пьет пиво с какими-то ханymiами. Говорю: «Валерка, иди домой!» – «Не пойду, делать там нечего». – «Да как же нечего?! Разогрей супчик, вытащи холодную бутылочку, включи телевизор...» Эдiku действительно это нравилось. Мог дома часами разгадывать кроссворды, обложившись справочниками. А фильмы обожал детские и про войну...»

В последние годы своей жизни Стрельцов вел в основном домашний образ жизни: большую часть времени проводил с женой и сыном. Иногда играл в футбол за команду ветеранов. Один такой матч состоялся в 30 километрах от Чернобыля, сразу после аварии в апреле 1985 года. Как вспоминают очевидцы, футболист Андрей Якубик сразу после матча принял тщательно мыть свои бутсы, опасаясь радиации, на что Стрельцов ему заметил: «Этим, Андрей, теперь уже не спасешься...»

После этого Стрельцов прожил еще пять лет. Весной 1990 года ему вдруг стало плохо, и его увезли в онкологический центр на Каширском шоссе. Именно там его застала весть о смерти его товарища – Льва Яшина. Побывав на его похоронах, Стрельцов сказал своим близким: «Теперь моя очередь». Он знал, что говорил. Врачи обнаружили у него рак легких. Но, зная диагноз, догадываясь, что жить ему осталось немного, Стрельцов никому из близких не показывал, что боится смерти. Более того, он всем сообщил, что 21 июля, в день своего рождения, обязательно будет дома. Однако именно в тот день ему стало плохо. Наступила клини-

ческая смерть. Врачам все-таки удалось вернуть его к жизни, но утренние газеты уже успели сообщить, что «выдающийся футболист Э. Стрельцов скончался». А он в то время был еще жив. 22 июля в 3 часа дня у него случилась еще одна клиническая смерть. И вновь его удалось спасти. Но глубокой ночью того же дня смерть пришла за ним окончательно.

Похоронили Эдуарда Стрельцова на Ваганьковском кладбище.

Футбольный денди Валерий Воронин, «Торпедо», Москва

Валерий Воронин родился 17 июля 1939 года в Москве в обычной семье. Его отец в свое время работал заведующим одесской торговлей и к спорту не имел никакого отношения. Однако свою немалую лепту в его спортивную карьеру все же внес. Какую? Не будем забегать вперед.

После войны Воронин-старший угодил в какую-то передрягу по торговой линии и решил сменить место жительства – переехал с семьей (жена, дочь Валя и сын) в Москву. Здесь глава семейства устроился директором магазинчика в писательском поселке Переделкино. Знал многих именитых обитателей поселка, а с некоторыми даже вместе выпивал (например, с Александром Фадеевым). Чуть позже эта пагубная страсть передастся и его сыну.

Валерий в детстве, как и многие мальчишки, был страстным футбольным болельщиком и болел за столичное «Динамо». Азы футбола он постигал не у себя во дворе на Калужской, а в Нескучном саду, причем его партнерами были не мальчишки, а… две девочки, которые вместе с ним ходили в тот же сад. То ли они любили футбол, то ли самого Воронина, поскольку он был тот еще красавчик. А затем в 13 лет Воронин записался в футбольную секцию завода «Каучук». Спустя год (1953) перешел в юношеский состав московского «Торпедо», причем попал туда благодаря… своему отцу. Тот когда-то служил в армии с самим Константином Бесковым и на этой почве решил показать ему сына. А Бесков в том году как раз тренировал юношеское «Торпедо». Выпустив на поле юного Воронина, опытный тренер сразу определил в нем несомненный талант и взял в команду. И когда спустя год Бескова из «Торпедо» выставили, Воронин остался в дублирующем составе команды. Однако на протяжении последующих трех лет в основной состав его не брали, поскольку слишком сильна была тогда конкуренция и ветераны команды не желали уступать свои места талантливой молодежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.